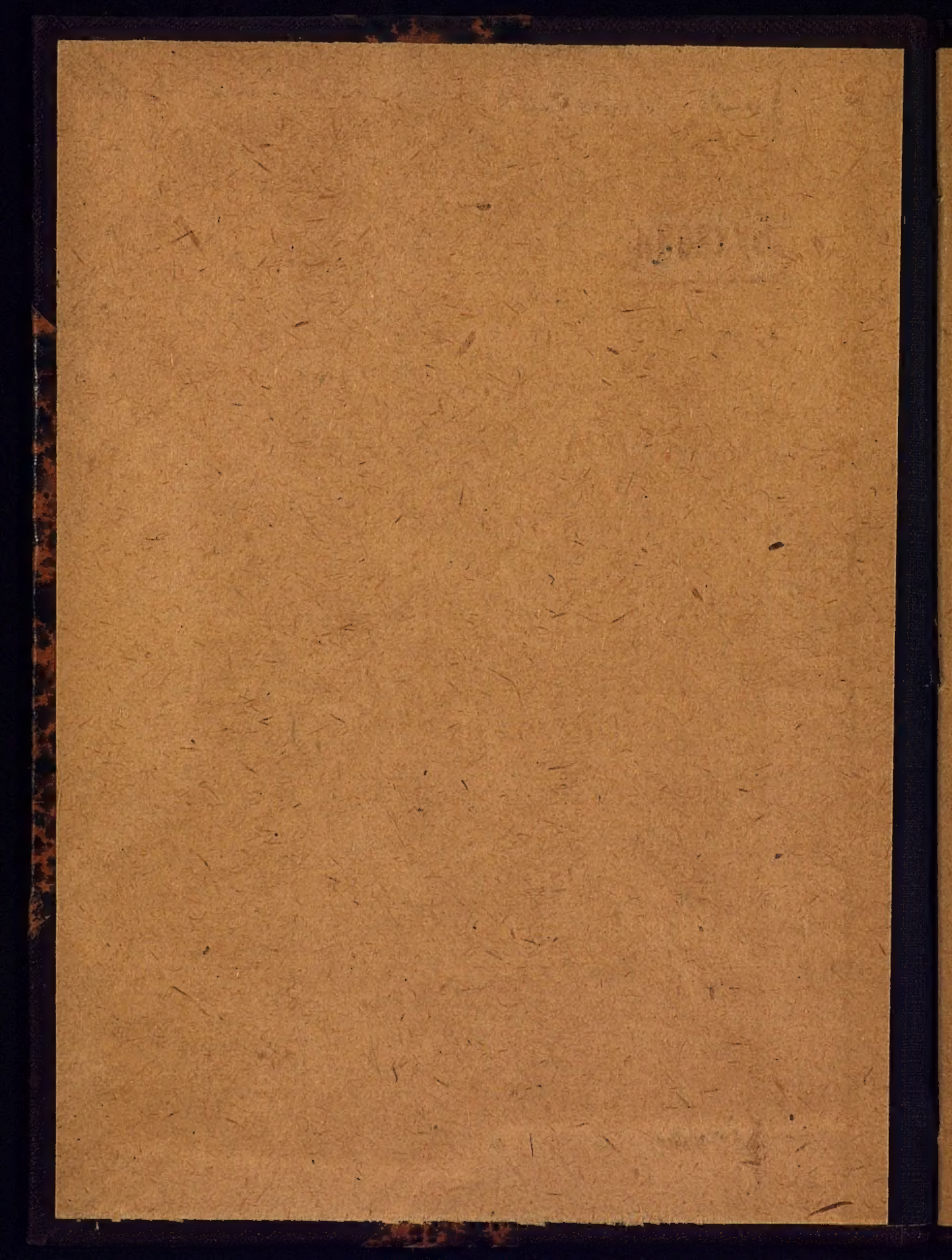
Бухарин

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 14. Рабоче-Крестьянские листовки. № 14.

Н. И. БУХАРИН.

Где настоящая свобода?

Цена 1 р. 50 к.

Государственное Издательство.
МОСКВА. 1919.

МОСКВА.
III-я Государственная Типография, Мясницкая ул., д. № 20.
1919 г.

Ванька Беднкя.

Был у меня приятель—рабочий с Путиловскаго завода, по прозвищу Ванька Бедняк. Малый добрый, но отчаянный. При царе прямо из тюрьмы не выходил: все с большевиками дела имел, как бы царя спихнуть, землю и фабрики у буржуев отобрать. Его и били, и даже раз ранили пулей. А он все не унимался.

После того, как большевики всем завладели, он стал с утра до ночи работать: на всех собраниях всюду он—первый! Как об'явились чехославаки, он сразу поступил в Красную Армию и айда на фронт! Старушка мать плакала—молила:

— Не губи себя, Ваня! Подожди, дай мне хоть умереть спокойно, голубчик!

Куда там!

— Я, мамаша, не хочу,—говорит,—чтобы всякая сволочь нас опять душила. Для

того ль мы все у капиталистов да у помещиков отняли, чтоб чехославацким офицерам доставалось?

Поцеловал мать и ушел: ищи ветра в поле!

На фронте с ним приключилось горе: раз ночью, когда он спал в сарае, захватили его в плен. Долго допрашивали и мучили, чуть не убили, а потом увезли далеко в Сибирь. Но удалось ему бежать...

И решил Иван отправиться в Америку. Потому назад никакого пути уже не было. Пробрался он во Владивосток, а потом нанялся кочегаром на пароход и очутился через полтора месяца в Америке.

Американская свобода.

Много он слыхал про Америку. Еще в газетах читал, что Америка самая свободная страна, что там демократическая республика. Знал он, что все это один обман,

но очень ему хотелось все своими глазами увидать.

Попал он прямо в Нью-Йорк, самый большой город. И диву дался! Дома, что колокольня Ивана Великаго, по сорока этажей есть. Богатство кругом такое, что в глазах слепит. По улицам движения столько, что непривычному человеку и пройти нельзя. Совсем бы погиб наш Ванюха, кабы не подвернулся один земляк. Вот оба обрадовались! И стали друг друга расспрашивать.

— Ну, как у вас тут в Америке? Самая что ни есть настоящая свобода?—спросил с любопытством Иван.—Ведь царя у вас нет, а вместо него—выборный председатель, президент республики. И всей страной управляет всенародно избранное собрание депутатов—парламент.

Земляк усмехнулся.

— Свобода-то свобода,—говорит —да вопрос для кого?

Свобода печати.

— Как так?! Ну, возьмем к примеру: дают у вас рабочим свои газеты выпускать?

— До войны еще давали. Да и тогда толку не было. Подумай сам. Везде кричат: „свобода печати!“ А что рабочему от этой свободы, когда у него ни гроша нет! Вот мы хотели газетенку издавать еще три года тому назад. Сунулись в одну типографию, а нам говорят: „Этаких газет мы печатать не будем.“ В другую, в третью—тоже отказ...

Наконец, нашли какую-то захудалую типографию. Тут опять канитель: бумаги нет! Вся бумага у них, у крупных капиталистов. У них свой союз есть: все себе забрал. Нам такую цену назначили, что и не суйся! Так дело и заглохло...

Да если бы мы и имели газетку, разве мы могли бы с ней что-нибудь сделать? Тут, милый друг, у них все ловко устроено. У них тысячи газет и все продажные. Ка-

питалисты на это денег не жалеют: сотни миллионов тратят на подкуп. А теперь с войной и вовсе все запрещают. Вот тебе и „свобода печати“! На словах-то как будто она и есть, а на деле—кукиш с маслом!

Свобода собраний.

— Плохо дело,—сказал Иван.—Но зато у вас собираться-то дают?

— Теперь и собираться не дают. До войны еще давали. Но и в этом толку мало было. Опять-таки: ведь не на улице же собираться! А попробуй, найди помещение!

Есть в городе много помещений, хоть пруд пруди! Да вот заполучить-то их никак нельзя! Для богатых их дают тотчас. Те платят хорошо. А главное любой хозяин охотно дает свое помещение, если знает, что на собрании будут говорить, какое хорошее дело война, или как хорошо строить броненосцы, чтобы душить весь мир. Тогда—с удовольствием! А как только узнают, что

рабочие собираться хотят,—моментально все двери на запор! Маешься—маешься. Ну найдешь какой-нибудь подвал на тридцать человек. Вот тебе и свобода собраний!

Свобода союзов.

— Но свобода-то союзов у вас наверное есть?

— Нет, брат, плохо у нас и с рабочими союзами. Когда господа знают, что союз смирный, сам за капиталистов стоит, тогда еще туда сюда. А как пронюхают, что тут революцией пахнет—баста! Пойдут такие преследования да придирки, что хоть возьми да закрывай! Вот тебе и свобода союзов! Опять на бумаге-то она как-будто и есть, а на деле ее как ни бывало!

Русская Советская свобода.

— Нет, ты лучше скажи, что у вас в Советской России делается? Никаких ведь

вестей с родины не получаю. А в американских газетах только и пишут, что в России большевики всех режут, грабят да убивают.

— Ну, брат, у нас в Советской Республике дело совсем иное. Ты сейчас поймешь, почему буржуи так большевиков не любят. Об'ясню тебе на примерах.

Дворец Брюханова.

— Федора Карпыча Брюханова ты, конечно, помнишь. Жил когда-то как царь. Дом у него, что дворец. Двадцать комнат он один с супругой занимал. Всюду золото, по стенам ковры, на полу ковры—прямо нога тонет. Славное было житье! Да пришли большевики и понасажали всюду рабочие учреждения. Теперь в большом зале, где раньше балы устраивались,—чуть ли не каждый день собрания да митинги всякие. А в других комнатах тоже всюду рабочие да рабочие. Житья от них не стало! Сбежал Брюханов на Дон. Там рвет и мечет, ругает

большевиков, деньги белогвардейцам дает, чтобы большевиков били.

Типография Ненасытина.

— И Сидора Ивановича Ненасытина ты тоже знаешь. У него была типография, где книжки и газеты печатались. Газета была большущая: на всю Россию расходилась. Врали в этой газете каждый день с три короба. Буржуи все радовались, как ловко народ околпачивают. Ненасытин такую деньгу загребал, что и вообразить невозможно: страсть любил свой доход! Все только и думал, как бы дельце расширить. Почти всю бумагу скупил — не пожалел миллионов. Склады целые завел. Из-за границы самые лучшие машины выписал. И вдруг такая напасть! Приходят большевики, типографию забирают, бумагу забирают, машины забирают, и давай свою рабочую газету печатать!

— Все, говорят, — теперь рабочему и крестьянскому государству принадлежит. До-

вольно вы здесь врали! Пора трудовому народу и правду знать!

Ненасытин туда—сюда. Пробовал было взятки давать—не берут! Наконец, нашел одного. Тот обещал устроить дельце. Но тут еще горшая беда приключилась. Этого малого поймали и, говорят, расстреляли. А самого Ненасытина усадили в тюрьму.

Особняк Святошина.

—Савву Трифоныча Святошина тебе и напоминать не надо. Мужчина почтенный, бородища до пояса. А уж богобоязненный-то какой! Каждый день, бывало, к заутрени ходит. Сам преосвященный патриарх у него каждое воскресенье ужинал. Но попутал Савву Трифоныча бес. Человек он был богатый—лабаз большой имел. Да и на спекуляции зашиб не один миллиончик. Вот и завел он себе полюбовницу. Купил он ей особняк. Не дом, а жемчужина! Лестница мраморная с крыльца ведет, подумаешь,

прямо в рай. И, правда, настоящий рай был там для Саввы Трифоныча! Бывало, заедет на рысаках в церковь, свечку толстую поставит, а потом мчит прямо к Анне Ивановне.

— А теперь что? Лучше уж не говорить: проклятые большевики разорили гнездышко! Теперь висит на особняке вывеска: „Районный совет рабочих депутатов". А у другой двери еще вывеска: „Союз рабочих - землекопов". Сам Святошин удрал за границу, во Францию. Там он, говорят, орудует вместе с родственниками Ненасытина. Завел знакомства с бывшими царскими посланниками. Издает газету. Просит французов посылать войска на Советскую Россию, чтобы перебить всех большевиков.

Трактир Титыча.

— Перенесись теперь мыслями в наше село Гришино, прямо к Силе Титычу, трактирщику, в гости. Жох был мужик. Деньги в рост

давал. Крестьян так прижимал, что на сходе, бывало, ребет бедняк, как белуга: дочиста обирал его мироед, последнюю лошаденку со двора уводил...

Зато хоромы себе выстроил Сила Титыч, словно настоящий князь. Три этажа, крыта железом крыта, окошки и крыльцо с резьбой. Горницы чистые, светлые, высокие. На всю округу не было такого дома! Так жил да поживал Сила Титыч до ноября месяца 1917 года. А потом мужики точно взбесились! Землю у соседа-помещика отобрали, долги перестали платить, Силу Титыча в грош не ставят. А как уж комитеты бедноты ихние родились, тут Силе Титычу совсем крышка! Дом у него отняли.

— Нам,—говорят,—Народный Дом из твоего трактира охота сделать: очень уж он нам подходит.

Теперь там читальня и клуб. Ораторы (и все-то большевики!) языком вертят. И откуда только у мужиков этого племени столько развелось! С горя запил Сила Титыч (он

сам самогонку выгонял), а потом пропал. Мужики бают, что он теперь по деревням ходит, народ против большевиков поднимает, с офицерами-белогвардейцами якшается.

Усадьба Отрадное.

— А имение графов Благовидовых помнишь? Дом высокий с колоннами чисто храм. А внутри-то—комнат без числа, картины, статуи, шкафы с книгами, растения диковинные, тропические. За домом—парк с прудом, с оранжереями, с угодьями. И впрямь одна отрада была для дворянской косточки!

Отобрали мужики и усадьбу и землю. А сами графы удрали за границу. Пороги у тамошних богачей обивают, на большевиков жалуются.

Из графского дворца устроен теперь Крестьянский Дворец, а из графского хозяйства—Советское хозяйство. Стала помещичья отрада—отрадой для всех трудящихся. Графская усадьба сделалась разсадником просвещения и культуры на всю округу.

Что нужно, чтобы была настоящая свобода?

Внимательно слушал земляк Ваньку, слова не проронил. А потом и говорит:

— Хорошо ты, Ванкха, об'яснил! Словно в рот положил! Тут и малому ребенку ясно, где настоящая-то свобода для трудящихся: у нас ли в Советской Республике или у буржуев в ихних демократических республиках.

Долго еще беседовали между собой друзья. Пожил Ваня в Америке, пригляделся. Увидел он, что теперь в Америке даже и бумажные свободы отняты. Познакомился он еще со многими товарищами. И вот через месяц выпустили они тайный листок к американским рабочим. А в листке том сказано:

Чтобы добиться настоящей свободы для рабочих и крестьянских газет, нужно чтобы типографии, машины и бумага

принадлежали рабочим и крестьянам.

Чтобы добиться настоящей свободы для народных собраний, нужно, чтобы дома принадлежали самому народу.

Чтобы добиться настоящей свободы слова и союзов, нужно, чтобы помещения, залы, дворцы принадлежали самим трудящимся.

А для всего этого нужно, чтобы вся власть была не в руках кровопийц, а в руках рабочих и крестьянских советов.

В России этого добились. Пусть рабочие добьются того же и в Америке.

